

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: КАК «ОБОЗНАЧИТЬ» РЕГИОН

Несмотря на активную и достаточно успешную политику унификации на уровне законодательства, социальной и экономической политики и т.д., проводимую в последние десятилетия, все более явным становится то обстоятельство, что Россия — сложное и совершенно не гомогенное образование. Культурные традиции и социальные установки, формы хозяйственной активности и способы организации территориальных сообществ — все это сплеталось в сложнейший узор, для которого была возможна только имитация однородности. Одним из элементов такого узора и становится регион¹. Каждый из регионов составляет свой, в чем-то отличный вариант русской культуры, общероссийской социальной организации.

О «другой» России (отнюдь не об оппозиции) заговорили давно, уже в первой половине 90-х гг. Россия «русскоязычных» жителей бывших советских республик и Россия российских регионов, Россия потерянная и Россия криминальная. Да, много еще можно найти разных скрытых стран и народов, проживающих на одной территории. Эти «разные страны» под влиянием ветров демократии стали обретать голос, стали спорить и решать на самых разных площадках — от площадки перед поселковым советом до Верховного Совета последнего созыва. При этом спор этот был тем яростнее, чем меньше у говорящих оказывалось «общих смыслов», пространства,

---

¹ Термин «регион» не имеет устойчивого определения. Его смысл варьируется от «субъекта федерации» до столь масштабных образований, как «Азиатско-Тихоокеанский регион». В работе мы принимаем отождествление термина «регион» с понятием «субъект федерации», если последний составляет относительно культурное и хозяйственное единство.

где договоренность в принципе возможна. Такая ситуация была связана с особенностями постперестроечного дискурса.

Немного теории: как актуализировались «разные России»

В «Эстетике словесного творчества» М.М. Бахтин говорил о различных типах «слова» (дискурса). В частности, он выделял авторитарное, внутренне убедительное и «собственно мое» слово¹. Авторитарное слово дистанцировано от говорящего. Оно — всегда чужое, связанное с неким абсолютным авторитетом: политическим, идеологическим, религиозным и т. д. Оно целостно. Каждый его элемент связан со всеми другими и не может быть элиминирован из него. Авторитарный тип дискурса не предполагает проверки на истинность. Он является таковым в силу самой своей природы. Примером такого типа дискурса выступает религиозный дискурс. Сходным образом может вести себя и дискурс, представляющий сильную идеологию. Важнейшей социальной функцией подобного дискурса выступает то, что он является «общим» пространством, своего рода онтологией, на фоне которой иные смыслы могут прийти к договоренности, оказаться понятными друг для друга.

Авторитарный (всеобщий) тип дискурса стремится полностью описать реальность, вытеснить все другие типы дискурса в маргинальные сферы. Но в силу бесконечного разнообразия жизни, в тех уголках социального пространства, до которых авторитарность не добралась, постепенно формируется иной мир, связанный с «моим» (в терминологии Бахтина) словом. Важно и то, что статусом «авторитарного» (всеобщего, а priori истинного) его наделяю я (частное лицо). Я признаю за ним право описывать мой мир. В отличие от «авторитарного слова», обладающего устойчивыми и легитимными формами презентации, «мое слово» не имеет легитимных форм выражения. Оно молчит. По мере того, как «мое слово» оформляется, возникает все более усиливающееся напряжение между «чужим», но публичным и легитимным

¹ Подробнее см.: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — С. 355–380.

словом (авторитарным) и несомненным и истинным, но молчащим «моим словом». Кажется, что результат противостояния вполне предсказуем.

Но, как показывает М.М. Бахтин, такой абсолютно чужой (авторитарный) дискурс для сохранения своей сакральной истинности должен время от времени проходить в известном смысле проверку, оказываясь в зоне «фамильярного контакта» со стороны социального агента¹. Та часть авторитарного дискурса, которая не проходит проверку на истинность, просто отбрасывается как «чужая», но уже не авторитарная для меня реальность. Здесь, собственно, и фиксируются сознанием «ошибки», «мифы», «заблуждения». То есть авторитарное для других слово. Прошедшее же проверку на истинность авторитарное слово становится «внутренне убедительным», принятым и утвержденным мной, сливается с «моим словом». Однако и в этом варианте оно перестает быть авторитарным.

Как правило, в истории человечества возникали особые, «карнавальные» пространства, где авторитарный дискурс проходил проверку на истинность, но, покидая которые, он возвращал себе свою всеобщность. К такому типу социальных механизмов можно отнести, скажем, политические выборы. Однако политический, да и онтологический дискурс позднего СССР утрачивает эти механизмы. Он все более дистанцируется уже не только от «зоны фамильярного контакта», но и от самой реальности. Правда, сам факт его наличия не позволял сформироваться иной авторитарности (всеобщности) смыслового континуума. В результате, его исчезновение обнажило не другое пространство всеобщей (авторитарной) коммуникации, а его отсутствие.

Постепенное снижение статуса институциональной системы, задававшей советскую авторитарность, советский авторитарный дискурс, начавшееся уже в 70-е гг. с «анекдотов про руководство», к концу 80-х практически исчезает. Ее остатков не хватило даже на то, чтобы удерживать Советский Союз и его основу — «советский народ». Сдернутое покрывало советского авторитарного слова обнажило множество разных внутренне убедительных

¹ См.: *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 155.

голосов. Ведь, в отличие от моего слова, внутренне убедительное слово обладает формами презентации, унаследованными от поверженной или еще не ставшей авторитарности. Вот только всеобщими они не являются. Они у каждого свои. Здесь и возникает множество голосов, убедительных для говорящих. Но не всегда понятных для тех, кто их воспринимает.

Голоса эти были отнюдь не благозвучным пением ангелов грядущей демократии. Гораздо чаще они были грубыми, хриплыми и мало похожими на выступления европейских парламентариев. Но у них было одно, важнейшее достоинство: они были голосами России, ее разных и очень разных жителей. За невнятность этих голосов стоит сказать «спасибо» артикуляторам общественного мнения, которые в тот момент артикулировали что-то совсем иное. Артикуляторам, которые были искренне удивлены, когда оказалось, что артикулировали они не интересы старой или новой власти, не хриплые голоса «почвы», а выдуманый, вымечтанный ими объект. Ведь у них было свое «внутренне убедительное» слово, абсолютно истинное для них и не значимое за пределами узкого круга интеллектуалов. Внешне сходные слова («демократия», «свобода», «права человека» и др.) для каждой группы имели свой, внутренне убедительный смысл.

Был ли шанс у этого многоголосия обрести какое-то единство или оно было обречено дробиться на все более малые элементы вместе со страной? Представляется, что такой шанс был вполне реальным. Он связан с естественным стремлением человека к солидарности, поиску «резонирующих сознаний», описанному нам в предшествующих работах¹.

В поисках «своих» агент (социальная группа) выдвигает смысл, репрезентирующий с его точки зрения целостность картины мира. Если такой сигнал встречает ответ, то поиск прекращается. Солидарность восстанавливается. Однако в ситуации распавшейся авторитарности такая ситуация — скорее редкое исключение, чем правило. В отсутствие отклика поиск продолжается по иным, менее значимым основаниям. Если отклик так и не получа-

¹ См., напр.: *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. — М., 2005.

ется, то возникает замкнутая малая группа, герметичная в отношении к внешнему миру, выстраивающая систему обороны от воздействия окружения, оказавшегося абсолютно чуждым и враждебным. Но эта ситуация тоже возникает в достаточно экзотических обстоятельствах, о которых речь пойдет несколько позже.

Наиболее реальный вариант, если на каком-то этапе (второй, третий уровень значимости смыслов) отклик будет получен и контакт установится. Такой контакт нельзя назвать стабильным. Ведь «отложены» (до лучших времен) крайне важные для агента или группы смыслы. Однако само возникновение такого контекста, обозначенного нами термином «виртуальная страта»¹, может стать основой для нового договора, выработки некоторой общеприемлемой позиции, переводящей этот контакт в режим стабильной коммуникации, создающей сообщество, отличное и от одного, и от другого первоначальных вариантов.

Иными словами, шанс на то, что «голоса» смогут договориться, породив новый контекст, были. В этот период в стране возникают «союз офицеров» и «общество вкладчиков» (новые страты), ассоциации «Уральское соглашение» и «Дальний Восток и Забайкалье» (новые территориальные сообщества), множество других объединений. Казалось, еще шаг — и вместо отдельных, пусть уже достаточно крупных объединений возникнет новый дискурс, презентующий новую реальность — Россию, отличную и от давней империи Романовых, и от СССР.

Но реальность повернулась иначе. Политика региона, то есть выдвижение и продвижение неких сущностно важных для территории и территориального сообщества целей постепенно сменяется политикой в отношении региона. Активным участником взаимодействия становится не региональное сообщество, но внешний субъект. Правда, процесс этот свершился отнюдь не в 1994 г., когда политическая история России совершила резкий вираж. В тот момент у государства, того самого внешнего субъекта, на такую политику просто не хватало сил².

¹ Подробнее см.: *Бляхер Л.Е.* Виртуальные состояния социума, или Шансы и риски открытого общества в России. — М., 1997.

² То, что цель такая ставилась, доказывают уже многочисленные программы по развитию тех или иных регионов, впрочем, никогда не исполняемые в силу нехватки денег.

Политика в регионах: от «крыш» к «региональным баронам»

Между периодом многоголосия начала 90-х гг. и периодом «вертикали власти» лежала эпоха «региональных баронов». Это был особый период и в истории региональной России, и в региональной политике. Для анализа ситуации тех лет нами использовалась база полужоформализованных (биографических) интервью с предпринимателями, собранная в 1998–2001 гг. в ходе реализации нескольких исследовательских проектов¹. С целью экономии места мы постараемся избежать цитирования текстов интервью. Но эмпирической основой последующих описаний выступают именно эти тексты. Итак...

Под победный грохот выстрелов по Белому Дому в 93-м и серии президентских указов в 94-м разговоры о разных Россиях отошли несколько в сторону, переместились из жизни в «исследование жизни». Так часто случается, когда нечто исчезает из повседневности, его непременно начинают исследовать, реконструировать и толковать.

В рамках регионалистики и изучения проблем федерализма, антропологических и этнографических штудий эти разговоры продолжались. Но продолжались они главным образом в академических аудиториях, в минимальной степени затрагивая толщу публичной речи, сознание основной массы жителей. Точнее, шел более или менее быстрый процесс вытеснения этих разговоров из легального и общего пространства в резервацию, ставший особенно стремительным в текущем столетии. Публичные пространства, где разные голоса могли превратиться в сигналы для других групп, дать

¹ См.: Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса = Behaviour change of the economically active people in crisis: на примере мелких предпринимателей и самозанятых / [Отв. ред. Л.Е. Бляхер]. — М., 2000. Об интервью с экономически активными горожанами, которые были получены в ходе проекта “Competition for Taxpayers: Regional Differences in Fiscal Mythology and Popular Expectations concerning Tax Reform”, осуществленного в 2000–2001 гг. межрегиональным исследовательским коллективом под руководством автора настоящей главы при поддержке RSS OSI/HESP, грант № 1831/864/2000, см.: *Панеях Э.Л.* Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый // Политическая наука. 2003. № 1. С. 35–36.

толчок к возникновению новых контекстов, начинают существенно сокращаться.

Да и академические разговоры были отнюдь не простыми, даже на уровне попыток научного описания. С одной стороны, ученые видели гигантские различия в образе жизни, типах хозяйствования, климате, кулинарных особенностях, эстетических пристрастиях, вплоть до цвета глаз и волос жителей Калининграда и Владивостока, Краснодара и Архангельска. С другой стороны, попытка как-то объективировать их чаще всего с треском проваливалась. Массовые опросы, контент-анализ прессы, да и статистические данные вполне укладывались в общую картину. Выламывающиеся из картинки элементы существовали на периферии смыслового поля.

Причина, в целом, достаточно очевидна. После расстрела парламента в 1993 г. последовал процесс, который М.Я. Рожанский назвал «огнем по регионам»¹: различия разных частей России уходят в тень. Здесь и возникает та самая экзотическая ситуация, когда в отсутствие публичного и всеобщего дискурса, невозможности найти «резонирующее» сознание группы замыкаются в себе.

Эти группы и локальные территориальные сообщества различались в широких пределах — от особенностей двойной бухгалтерии и устного найма до специфики криминальных «крыш», разборок, властной дистрибуции, организации бизнеса и социального взаимодействия. Но многочисленные исследователи нашего «неформального всё» были сосредоточены более на фиксации несовпадения формальных принципов и неформальных правил². Веселая неформальность казалась важнее и интереснее, нежели описание ситуации, где неформальное и формальное слиты воедино.

В результате реальность российской «живой жизни», точнее — реальности — остались несказанными. Важно и то, что она (реальность) и не особенно стремилась быть сказанной. Ведь окружающий мир был чужим и потенци-

¹ *Рожанский М.* Октябрь 1993 года: «огонь по регионам!» [Электронный ресурс] // OpenEdition: [portail de ressources électroniques en sciences humaines et sociales]/ Hypotheses / Russie contemporaine: politique et soci t : sources et documents. — Режим доступа: <http://russie.hypotheses.org/1359>

² См., напр.: *Барсукова С.Ю.* Теневой и фиктивный рынки труда в современной России // Pro et Contra. 2000. Т. 5. Вып. 1. С. 174–194.

ально враждебным. Доверие и солидарность распространялись только на ту самую группу, которая сохранилась в результате распада прошлой авторитарности или возникла в ее порах. Но даже эти реликтовые образования, сохраняющиеся в «тени», нуждались во внешней коммуникации, хотя бы в целях сохранения и укрепления самой группы, получения внешних ресурсов. В отсутствие доверия такие контакты могли протекать только в случае наличия силового оператора¹.

Такой оператор далеко не всегда наделяется доверием. Это и не особо нужно. Важно, что он обладает избытком силы и одинаково опасен и мне, и моему контрагенту, потому вполне пригоден для обеспечения нашего контакта в условиях отсутствия доверия. Производя силу (насилие), он, подобно «оседлому бандиту» М. Олсона², помимо своего желания начинает производить порядок. На первом этапе такими операторами выступают криминальные «крыши». В условиях резкого ослабления государства, распада властного инструментария — и символического, и физического, — криминальные группировки оказывались в первой половине 90-х гг. единственными обладателями относительного преимущества в осуществлении насилия.

Однако применительно к ним действовали те же процессы, что и для всей страны. Единый криминальный дискурс («понятия») распадается вместе с господствующей идеологией, оборотной стороной которой он являлся. Легенды о криминальных авторитетах, на тайных сходках решающих судьбы России, оставались легендами. Сам же криминальный мир страны превращался в совокупность мелких группировок, не способных на контроль над сколько-нибудь значительной территорией³. Пока речь шла о регулировании локальных структур, криминал вполне устраивал всех. Неслучайно в ходе анализа интервью с предпринимателями, собранными

¹ Подробнее см.: Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб., 2012.

² См.: Олсон М. Рассредоточение власти и общество в переходный период / М. Олсон // Экономика и математические методы. 1995. Т. 31. Вып. 4. С. 53–81.

³ См.: Бляхер Л.Е. Развитие правоприменительных практик на постсоветском Дальнем Востоке России // Право и правоприменение в России. — М., 2011. С. 280–295.

в 90-е гг., «крыша» попадала в разряд экономических категорий, а налоговая инспекция — в разряд «знаков опасности»¹. Отношения с этими группировками у социальных и деловых микросообществ выстраиваются в логике «рынка административных услуг»².

Есть услуга принуждения к исполнению правил, есть ее продавец и покупатель. Общие смыслы здесь не возникают. Они, строго говоря, не нужны. Вполне достаточно представления об определенной последовательности действий, которая легко выделяется из текстов интервью, повторяясь почти в каждом из них. Обращение к «крыше» связано с неисполнением договора, необходимостью решить «силовую ситуацию» (обеспечить охрану). Постепенно этот тип взаимодействия институционализируется. Достаточно самого знания о наличии «крыши», чтобы соблюдать договоренности.

Доверие остается локальным, связанным только со «своим» сообществом, разделяющим «внутренне убедительные» смыслы. В интервью в качестве такой группы выделялись «родственники» и «друзья». Несколько реже фигурировали «соседи», «земляки». Правда, категория «друзья» была крайне широкой. По существу, это любой человек, наделенный моим доверием, разделяющий «мое слово». Но в любом варианте речь идет о достаточно локальном сообществе.

Постепенно местная экономика от стихийных «толчков» и отдельных киосков переходит к более крупным формам: магазинам, цехам и рынкам. Она начинает устанавливать контакты с соседним городом, ближайшими субъектами федерации, в приграничье — с иностранными хозяйствующими и социальными субъектами. Здесь криминал оказывается бесполезным. Он не в состоянии организовать межгородскую и межрегиональную транзакцию, он не в состоянии обеспечить минимальную легальность, необходимую для взаимодействия с зарубежным партнером. Для бизнеса, остающегося на уровне ларьков и мелких услуг, криминал продолжал и, можно предположить, продолжает быть одним из важнейших, хотя и не единственных энфорсеров. Но более крупным

¹ См.: Изменение поведения экономически активного населения...

² Подробнее см.: Кордонский С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. — 2-е изд., стер. — М., 2006.

хозяйствующим субъектам, как и более разветвленным социальным общностям, был остро необходим другой оператор. Судя по текстам интервью, потребность в другом, более легальном силовом операторе стала обозначаться задолго до дефолта 1998 г. и полностью воплотилась после него.

Эта потребность персонифицировалась в фигурах «региональных баронов» — губернаторов 90-х гг. Тех самых, с которыми связываются «перегибы и произвол на местах». Тех самых вполне самовластных владык. Здесь административный рынок обретает вполне завершенную форму. Главный ресурс «региональных баронов»: легальность, возможность согласовывать межрегиональные и внутрирегиональные интересы, принуждение к исполнению определенных правил игры — и выставлялся на продажу. Его качество оказалось в целом выше, номенклатура услуг — шире, а цена — ниже, чем у ОПГ. Поскольку каждый чиновник-продавец удовлетворялся небольшой платой, то совокупные расходы (на взятки, «дружбу» и т. п.) тоже оказывались, как правило, не слишком значительными. Во всяком случае, в тот период они, как отмечали в интервью предприниматели, были значительно меньшими, чем дань «крышам» или белые платежи. И при этом они были существенно более эффективными, поскольку позволяли не только избежать санкций со стороны государства, угроза которых к концу 90-х уже стала относительно реальной, но и получить необходимую услугу: налаживание отношений с партнером, возврат долгов, защиту от конкурентов и недопущение новых игроков на рынок, приобретение социального статуса, включение механизма *enforcement*¹ а.

Итак, во второй половине 90-х гг. основными операторами, оказывавшими услуги по производству порядка, стали «региональные бароны», то есть губернаторский уровень власти. Цена услуги складывалась из дохода чиновника и его издержек при производстве самой услуги. Это — подношения вышестоящему начальнику, легитимирующему сам акт приватизации государственного ресурса, а также покупка услуг сопряженных силовых (административных) операторов. Ограничителем цены услуги выступал платежеспособный спрос. При изъятии «в два горла» экономический агент уходил в «тень», под прикрытием криминальных операторов, менял локализа-

цию бизнеса или вовсе прекращал экономическую деятельность.

Сам рынок силовых услуг имел достаточно сложное иерархическое устройство. В период «парада суверенитетов» подавляющее большинство разрешительных функций отошло к региональной власти. Функцию основного легитиматора хозяйственной жизни на территории субъекта выполнял губернатор. Именно он был верховным «разрешителем» и для силовых операторов, и для экономических агентов. На «низовом» же уровне, уровне локальных сообществ, «красные» (милиейские) крыши отчасти продолжали конкурировать с криминальными. Но последние в итоге либо срослись с властью, либо были вытеснены из бизнеса. Отметим, что вытеснялись они вполне экономическими методами. Показательно, что в 90-е гг. на всем Дальнем Востоке было возбуждено менее десятка уголовных дел по статьям, связанным с организованной преступностью¹. Делалось все проще: по словам респондентов, был создан своего рода «губернаторский картель», доступ в который регулировался региональной властью. Предприятия, в него допущенные, получили серьезные преференции, а все остальные автоматически оказались менее рентабельными и были вытеснены с рынка. Вслед за ними ушли и их криминальные «крыши», лишившиеся «кормовой базы».

Поскольку основным источником легитимации власти губернаторов в тот период были прямые выборы, административный рынок вынужден был взимать достаточно серьезный «социальный налог» в пользу населения. Можно, конечно, говорить о «купленной лояльности», однако в рассматриваемый период она таковой являлась лишь отчасти. Безусловно, «социальный налог», которым облагался бизнес, был способом покупки лояльности главного легитиматора — населения. Но помимо этого оценка работы губернатора зависела от качества оказания им административных услуг в самых важных для населения серых зонах, то есть в таких отраслях, как образование, здравоохранение и т. п. Понятно, что в нашем случае «губернатор» — это обозначение не

¹ Зато сегодня подобных дел возбуждается существенно больше в отсутствие организованного криминала как значимой группы. Возбужденное в марте 2015 г. уголовное дело против губернатора Сахалинской области А.В. Хорошавина — только одно из них.

должности или лица, а поставщика властной услуги на определенной территории. Устройство власти и персоны, ею облеченные, могут быть разными, отсюда и разные варианты политических режимов в регионах, но суть административного рынка от этого не меняется.

Федеральная власть была также включена в этот рынок. Прежде всего, не стоит забывать, что центр обладал правом «второй инвеституры». Конечно, первая — всенародное избрание — была главной, но федеральный центр мог создать серьезные проблемы строптивому губернатору. Яркий тому пример — замерзающий Владивосток: в середине 90-х город несколько раз оставался без тепла и света из-за жесткой позиции Москвы по отношению к губернатору Е.И. Наздратенко, при котором местный ЖКХ набрал многомиллионные долги. Соответственно, в направлении Москвы шли не только белые (в то время незначительные) отчисления, но и часть «настоящих» доходов. Так сказать, налог на легитимацию.

В принципе, «региональные бароны» и создаваемый ими рынок административных услуг имели дело все с теми же локальными сообществами, малыми группами. Но число этих групп было намного больше, чем у прежних силовых операторов, а координация отношений между группами — успешнее. Постепенно за счет устойчивости административного рынка начинают формироваться вполне повторяющиеся связи между группами. О наличии таких контактов, постепенно становящихся регулярными, упоминается в интервью, начиная с 1999 г. Можно говорить о начале формирования некоторой системы институтов на региональном уровне, понимая при этом институт как устойчивое и повторяющееся социальное действие (правила игры) с фиксированным набором ролей. Межличностное доверие за пределами группы и локального сообщества сохранялось на достаточно низком уровне, но формируется институциональное доверие, гарантированное «региональным бароном».

Однако при всем их могуществе в легальной и легитимной сфере они были только чиновниками, правда, всенародно избранными, то есть по уровню легитимности равными, скажем, президенту страны. Практически, будучи «императорами в своем королевстве», эти «императоры» так и не оказались способными создать легальный легитимизирующий дискурс. Достаточно тонкие

и по-своему изящные попытки создать подобный язык отторгались региональным сообществом как «чужие»¹. В общем смысловом фоне эта структура просто не нужна. Будучи гетерогенной по своей природе, она выстраивала столь же дробный дискурс самоописания. Одно описание создавалось «для внутреннего потребления», для жителей региона. Как правило, оно укоренялось в более или менее давней истории. В нашем случае речь шла о совсем недавней советской истории. Идея форпоста, защиты России с Востока начисто исчерпывала региональный дискурс. При том, что уже в 90-е гг. не только процветание, но просто существование дальневосточного приграничья без живительной связи с Китаем было маловероятно (именно оттуда и туда были направлены основные торговые потоки), дискурс существовал как некая самоценность, не нуждающаяся в подтверждении реальностью. Интересно, что в одних и тех же интервью респонденты говорили о китайской угрозе, о своей нелюбви к китайцам и о своем восхищении качествами китайцев — своих деловых партнеров. Со временем дискурс «китайской угрозы» в интервью ослабевает, а дискурс «надежного и необходимого партнерства» усиливается.

Впрочем, дискурс «желтой опасности» имел гораздо более функциональное применение «для внешнего использования». Региональная политика той поры определялась двумя тенденциями. Во-первых, стремлением федерального центра так или иначе, увеличить отчисления из региона, максимально перераспределить в свою пользу разрешительные функции, что делалось под знаменем «сохранения единства страны». Впрочем, делалось это довольно вяло, поскольку ресурсов на сколько-нибудь активное давление на регионы не хватало, да и на их освоение тоже. Соответственно, встречная тенденция состояла в том, чтобы создать в глазах центра и с помощью языка, идущего из центра, максимально апокалиптический образ гибнущего региона, куда внешним силам вторгаться нет смысла. Более того, этому гибнущему региону угрожают самые разные враги: религиозные экстремисты, националисты, террористы и тому подобные

¹ Подробнее см.: Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. Политика и культура в российской провинции. — М. — СПб., 2001.

плохие люди. Дальнему Востоку здесь было проще, чем другим. Ему угрожали, конечно, китайцы. Угрожали потому, что он форпост, потому, что он «бесконечно богат ресурсами», просто угрожали¹.

Но регион богат только потенциально. В реальности он пуст и беден, ему угрожает, ко всем прелестям, экономическая катастрофа². Поскольку большая часть регионального хозяйства существовала за пределами легальности, создать статистическую картину вымирающего, экономически пустого региона было не очень сложно. Сама же эта картинка ограждала регион от интереса федерального центра, оставляла пространство власти для региональных структур. Кошмары, с помощью которых региональные руководители дистанцировались от интереса со стороны федеральных структур, отличались достаточно сильно. Но все они были с необходимостью оформлены на языке этого центра. Казалось бы, он и должен стать новым общим пространством смыслов, новым «авторитарным словом». Но не сложилось. Проблема не только в крайней гетерогенности официального дискурса, стремящегося включить в себя «демократический» дискурс времен перестройки, идею социальной справедливости и либеральных реформ и многое другое. Сложность здесь заключалась еще и во всеобщем осознании имитационности этого дискурса. Он имитировался со стороны федерального центра, все менее демократичного и все более властного. Его имитировали региональные элиты, видя в нем залог собственного благополучия. Его привычно имитировало население, вполне удовлетворяющееся доверием на уровне малых групп, локальных сообществ, хотя и несколько более крупных, чем в первые постсоветские годы, а также наличием возможности выстроить хозяйственное взаимодействие за их пределами. Но сам факт существования дискурса, объединенного с силовым ресурсом и реликтовым авторитетом, не давал сформироваться какому-то иному. В результате реальность и ее

¹ См.: *Чернов М.* Дальний Восток может стать китайским // РБК: ежедневная деловая газета. — 2003. — 28 ноября. — URL: <http://www.rbcdaily.ru/world/562949979074926>.

² См.: *Тимошенко В.* Экономическая катастрофа грозит Дальнему Востоку, если уйдут китайцы, считает заместитель директора Института проблем Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук Владимир Портяков // Родная газета. — 2004. — 21 мая. — URL: <http://www.rodgaz.ru/index.php?action=Articles&dirid=23&tek=10164&issue=126>.

дискурсивная презентация разводилась на непересекающиеся или почти не пересекающиеся плоскости.

Предельно разные регионы, да и не только регионы обладали одним общим языком, идущим из центра. Разная реальность втискивалась в этот язык — и научный, и публичный, — воспринималась только через него. Иных форм презентации просто не оказывалось. Единый язык, существуя по законам семиотически упорядоченной совокупности текстов, создавал плотную стену смыслов, заслоняющих реальность и от взгляда исследователя, и даже от взгляда жителя. Реальность за пределами единого языка оказывалась непоименованной, а значит не исследуемой и не фиксируемой.

В условиях, когда различия не столь существенны, такой единый язык — скорее благо. Он позволяет легче осуществлять коммуникацию, согласовывать интересы. То, чем во имя нее жертвуют, в этом варианте оказывается не особенно существенным. Однако в варианте значимых различий, в варианте конфликта интересов общий язык, выработанный вне переговоров и согласований, превращается в «прокрустово ложе». Но иного языка и коммуникации, и самоописания просто нет. Неформальная реальность, не только экономическая или политическая, но и любая другая продолжала «корчиться безъязыкая». Потому при опросах люди воспроизводили ритуальные речевые формулы, почерпнутые из последних телепередач. А интерпретаторы вычитывали из них привычные смыслы.

В результате, в отличие от ситуации в Империи Христиан после Вестфальского мира, «короли» оказались слабее императора. Возглавляемые ими региональные сообщества попросту проиграли конкуренцию федеральному бюджету, одухотворенному нефтью и идеей спасения России. Слабые попытки построить «региональную идеологию» конца 90-х гг. были с легкостью раздавлены официальным дискурсом, использующим все ресурсы советского идеологического наследия и мощь федеральных трансфертов.

Расцвет и закат «вертикали» в региональной политике

Итак, с «вертикалью власти» пришел и новый язык: язык «спасения России», «суверенитета». В принципе этот дискурс был воспринят населением как вполне убедитель-

ный. Тем более, что он сопровождался вполне реальным улучшением жизни социальных аутсайдеров, риторикой социальной справедливости, порядка и безопасности. Постепенно эти феномены стали его неотъемлемыми элементами. Публичное же пространство, даже в форме пространства для переговоров элит, начинает сокращаться. В переговорах в новых условиях просто нет необходимости, как и в какой-либо местной активности, которая оказалась намного менее эффективной, чем экспорт сырья.

Прежней активной и властной региональной элите и хозяйствующим субъектам была предложена замена в форме государственного кормления и прибюджетного бизнеса. На этой основе и сформировался новый консенсус. Правда, доверие так и оставалось локальным, связанным с местными условиями и сообществами в большей степени, чем с общегосударственным дискурсом. Но эти сообщества уже полностью лишаются возможности в самопрезентации, как и организации какой-либо горизонтальной коммуникации. Те «услуги», которые прежде приобретались у региональных баронов, теперь уходят в центр. Там же они оказываются слишком дорогими для рядовых участников социального и хозяйственного взаимодействия. В результате, с одной стороны, наиболее активная часть региона вписывается в «федеральную иерархию», остальная же часть совмещает роли государственных иждивенцев и «теневых» социальных агентов, существующих за пределами официального взгляда и возможности фиксации¹.

Региональная политика в этом варианте оказывается «политикой мегапроектов», способных привлечь на территорию максимум государственных средств, которые потом можно будет перераспределить в какие-то более нужные региону сферы. Формы могут быть различны: от традиционных «ужасных историй» до спортивных мероприятий или бизнес-форумов. Важно, что под эти вполне частные задачи предоставляются гигантские ресурсы. В свою очередь, политика в отношении регионов становится политикой тотального контроля над выделенными средствами и заодно над регионом в целом.

¹ См.: Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России, № 1, 2015. — С. 35-67. — URL: http://mirros.hse.ru/data/2015/03/11/1094668730/mr15_1_2.pdf.

Региональная реальность, которая и в начале, и в конце 90-х гг. была близка к тому, чтобы обрести голос, оказалась окончательно вытесненной из публичной сферы. Но, оставшись без голоса, она не исчезает. Ведь условия жизни, условия коммуникации, вплоть до привычки ездить за вещами в Польшу, Турцию, Монголию или Китай, остаются прежними. Остаются прежними и социальные сети, пронизывающие каждую пору социальной ткани страны. Их невидимое существование проявляется в классических формах — в оппортунизме, в тактике избегания встречи с властью, в стремлении регионов перенаправить федеральные трансферты из бессмысленных (для регионов) сфер в «правильные» (для регионов же).

Возникают и проблемы с самим новым дискурсом. Обладая определенной легитимностью в начале «нулевых», он был лишен механизма ее поддержания. Своего «карнавального пространства», где «авторитарные» ценности могли бы утвердиться как «мои», у дискурса не оказывается. В результате его легитимность оказывается возможной только за счет вбрасывания в общество все новых «угроз», требующих «спасения России». Попытка выстраивания иных механизмов легитимности за счет дискурса модернизации, отсылающего к активности тех самых рядовых субъектов социальных отношений, завершается в 2010 г. Попытка же выстраивания легитимности сакрального типа за счет срастания с церковью приводит к парадоксальной ситуации, когда одна имитация может существовать только с опорой на вторую, но не сообщать ей легитимность. Чувства верующих, нового оплота легитимности государства, получается защитить только с помощью государственного репрессивного аппарата. В результате общий «авторитарный» дискурс становится все более чужим, порождая скрытый «гул» за пределами статистики, где тоже уже не все хорошо. Этот «скрытый гул», проявлявшийся в самых разных формах на протяжении всех «нулевых» годов, стал прорываться на поверхность, как только сияющая нефтегазовая пленка, охватившая страну, ставшая символом ее единства, начала истончаться.

На поверхности выступили уже «четыре России» Натальи Зубаревич: «первая» — Россия больших городов, «вторая» — Россия средних промышленных городов, «третья» — огромная по территории периферия,

состоящая из жителей села, поселков и малых городов, и «четвертая», которую нужно выкраивать из предыдущих, — это республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва, Алтай), где почти нет промышленности¹. В очереди стоит гораздо больше. Недавно, как Колумб Америку, Россия с помощью Юрия Плюснина открыла для себя мир «отходников»². Усилиями петербургских социологов из Европейского университета мы вот-вот откроем *urbi et orbi* загадочную реальность МВД. Все четче проявляются различия территорий. Казалось бы, в чем трудность? Есть разные миры, сосуществующие в одном политическом пространстве, в одной стране. Каждый из них обладает своей правдой, своей рациональностью. Соотнести их, выработать общие и взаимоприемлемые принципы взаимодействия, — и нет больше Пиренеев.

Тут-то и возникает проблема. Все эти реальности «молчат». Их описание — всегда описание внешнее. Они в большей или меньшей степени, в зависимости от такта и проницательности исследователей, трансформированы актом описания, чужим языком. Принимая чужой язык описания, реальность невольном, как и в варианте с единым «федеральным» дискурсом, вытесняет за пределы видимого то, что в этот язык не вписывается. Все большая часть реальности оказывается в непоименованном пространстве.

Более того, само описание здесь оказывается без адресата. Властный дискурс его отторгал как чужое. Региональный же вариант не видел особой разницы между тем и другим «книжным» видением. Но то, что в отсутствие «своего» слова эти реальности смогли бы увидеть хотя бы наиболее внимательные исследователи, говорит о том, что общее слово вытесняет не случайное, факультативное, а сущностное содержание реальности. Сегодня это отсутствие языка все активнее прорывается в сепаратистских настроениях, в уверенности, что «Москва нас ограбила».

Ведь если вербализация и переговоры невозможны, то неизбежно возникает желание прекратить комму-

¹ См.: *Зубаревич Н.* Перспектива: Четыре России // Вестник. — 2011. — 30 декабря. — URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii.

² См.: *Плюснин Ю.* Отходничество в современной России // Отечественные записки. — 2012. — №5 (50). — URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/24p.html>.

никацию. Задача, состоящая в том, чтобы дать этому непоименованному миру язык, пока просто не ставилась. В результате мир России начинает складываться из разных, но не осознающих свою разность сообществ. Невозможность эту разность выразить приводит к тому, что ее «выражают» другие. А взгляд соседа — хоть и пристальный, но далеко не всегда доброжелательный.

Как говорят социологи, «чужая культура всегда грязная». В результате отличия разных миров были осмыслены не как «другие», но как «испорченные свои». Боль одного региона почти никогда в новейшей истории России не находила адекватной реакции у соседей. Так, катастрофические пожары на Дальнем Востоке в 1998 г., в ходе которых сгорело более двух миллионов гектаров леса, полностью прошли мимо информационного поля России, массовые народные выступления на Дальнем Востоке 2007–2008 гг. отразились в целых трех публикациях за пределами региона. Выступления эти были в них «адекватно» оценены как «подготовленные и оплаченные криминалом». Стоит ли удивляться, что столичные приключения образца 2011 г. остались для большей части регионов «движухой зажавшихся москвичей». Разные, но не осознающие свою разность регионы, социальные и профессиональные общности не могут договориться. Нет языка, на котором они могли бы выразить себя. Молчит реальность, по поводу которой нужно договариваться. Потому ей и необходим «стальной каркас» власти. Ведь власть из необходимой сферы сервиса превращается в сферу господства в тот момент, когда мы теряем способность или возможность договариваться сами.

Более того, задача «обозначить регион» зачастую до настоящего времени воспринимается как чудовищная крамола, как посягательство на святое, на единство. Пламенных защитников единства в таком варианте, когда большая часть населения просто лишена голоса — не права голосовать, но возможности сказать о себе, — сегодня более чем достаточно. Но, как представляется, именно этот путь — дорога в распад, повторение пути СССР.

Разные территории, разные люди, «склеенные» с помощью ОМОНа даже без идеологической анестезии, просто распадаются при ослаблении властного давления или взрываются при его сохранении без

массированных финансовых вливаний. Гораздо более продуктивным, далеко не гарантирующим успех, но содержащим в себе его возможность, представляется иной путь. Путь, при котором разность не просто признается и постулируется, но разноречие, разномыслие становится основой для выработки нового единства, нового общего языка.

Ведь общего у нас, на самом деле, очень много, а о разном при наличии языка можно договориться. Это — путь к другому единству, не к единству кнута и страха, а к единству взаимного интереса, согласованных принципов бытия. Почти триумфом сегодня стала мысль, что Россия, возникшая в 90-е, будучи небывалым, новым политическим, да и культурным образованием, в этом качестве ни разу осмыслена не была. К новой стране прикладывались самые разные маски — от советской до дохристианской. Но в каждом случае это были маски, скрывающие, а не организующие пространство.

Эта работа — тоже отнюдь не решение проблемы, но маленький шаг в обозначенном направлении, в направлении проектирования новой региональной политики. Суть ее проста: попытаться сквозь дебри статистики, сквозь множество строгих и нестрогих объяснений, сквозь устоявшиеся социальные и политические фобии самих же жителей региона и его внешнего окружения прорваться к регионам, их жителям. Дать им голос, которым они наконец-то смогут, может быть, впервые за столетия сказать о себе, «сказать себя». И, может быть, тогда из множества неслиянных, разных и осознающих свою разность голосов возникнет небывалая и несказанная сущность — Россия, которая для каждого будет «моя».

Литература

Барсукова, С.Ю. Теневой и фиктивный рынки труда в современной России [Текст] / С.Ю. Барсукова // Pro et Contra. 2000. Т. 5. Вып. 1. С. 174–194.

Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики [Текст]: Исследования разных лет / М.М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.

Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М.М. Бахтин. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.

Бляхер, Л.Е. Виртуальные состояния социума, или Шансы и риски открытого общества в России [Текст] / Л.Е. Бляхер. — М.: Магистр, 1997. — 48 с.

Бляхер, Л.Е. Нестабильные социальные состояния [Текст] / Л.Е. Бляхер. — М.: РОССПЭН, 2005. — 208 с.

Бляхер, Л.Е. Развитие правоприменительных практик на постсоветском Дальнем Востоке России [Текст] / Л.Е. Бляхер // Право и правоприменение в России. — М.: Статут, 2011. — С. 280–295.

Волков, В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ [Текст] / Вадим Волков. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 352 с.

Зубаревич, Н. Перспектива: Четыре России [Электронный ресурс] / Наталья Зубаревич // Ведомости. — 2011. — 30 декабря. — Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii.

Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса = Behaviour change of the economically active people in crisis: на примере мелких предпринимателей и самозанятых [Текст] / [Отв. ред. Л.Е. Бляхер]. — М.: Московский общественный научный фонд, 2000. — 137 с.

Кордонский, С.Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России [Текст] / С. Кордонский. — 2-е изд., стер. — М.: ОГИ, 2006. — 240 с.

Люхтерхандт, Г. Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области [Текст] / Г. Люхтерхандт, С. Рыженков, А. Кузьмин. — М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад, 2001 — 252 с.

Олсон, М. Рассредоточение власти и общество в переходный период [Текст] / М. Олсон // Экономика и математические методы. — 1995. — Т. 31. — Вып. 4. С. 53–81.

Панеях, Э.Л. Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый [Текст] / Э.Л. Панеях // Политическая наука. — 2003. — № 1. — С. 33–52.

Плюснин, Ю. Отходничество в современной России [Электронный ресурс] / Юрий Плюснин // Отечественные записки. — 2012. — №5 (50). — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/24p.html>.

Плюснин, Ю.М. Отходничество как новый фактор общественной жизни [Электронный ресурс] / Ю.М. Плюснин, А.А. Позаненко, Н.Н. Жидкевич // Мир России. — 2015. —

№ 1. — С. 35–67. — Режим доступа: http://mirros.hse.ru/data/2015/03/11/1094668730/mr15_1_2.pdf

Рожанский, М. Октябрь 1993 года: «огонь по регионам!» [Электронный ресурс] / М. Рожанский // OpenEdition: [portail de ressources électroniques en sciences humaines et sociales]/ Hypotheses / Russie contemporaine: politique et société : sources et documents. — Режим доступа: <http://russie.hypotheses.org/1359>.

Тимошенко, В. Экономическая катастрофа грозит Дальнему Востоку, если уйдут китайцы, считает заместитель директора Института проблем Дальнего Востока РАН, доктор экономических наук Владимир Портяков [Электронный ресурс] / Виктор Тимошенко // Родная газета. — 2004. — 21 мая. — Режим доступа: <http://www.rodgaz.ru/index.php?action=Articles&dirid=23&tek=10164&issue=126>.

Чернов, М. Дальний Восток может стать китайским [Электронный ресурс] / Михаил Чернов // РБК: ежедневная деловая газета. — 2003. — 28 ноября. — Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/world/562949979074926>.